

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ РОМАН

Виктор
Среднеев

Русская
красавица

Роман

Харьков
«ФОЛИО»
2018

— Ну?!

Вместо ответа ушел с головой. Кряхтя, шумно отдуваясь, полз. Ползти было склизко. Он то и дело упирался в темноте в тугие эластичные предметы, которые покачивались, будто беспривязные дирижабли, и нехотя уступали дорогу, уплывая в сторону. Густой клубящийся запах обескураживал, но он крепился и полз вперед, бормоча под нос латинские названия, призванные расколдовать угрюмый и хищный мир таинственного чертога, придать затруднительному движению характер научной командировки.

Настойчивость, опыт, вера в медицинскую латынь не в малой мере способствовали. Благополучно проскользнув в расщелину между теплыми, булькающими внутри себя камнями, которые напоминали не то бурдюки с подогретым вином, не то моллюсков, поскольку обладали весьма противными на вид гребешками, гребешочками и присосочками, что ни на секунду не прекращали беспорядочного шевеления, шевелясь на худеньких ножках, — итак, благополучно миновав указанные присосочки, хотя для этого пришлось вырвать несколько присосочек с корнем, причем моллюск стал сочиться кровью, он достиг положенной цели и, невольно охваченный сильным волнением, залюбовался открывшимся перед ним видом:

В ШИРОКОЙ, ОБЛАСКАННОЙ СОЛНЦЕМ ДОЛИНЕ ГОЛУБЫМ НЕЖНЫМ ЦВЕТОМ РАСЦВЕТАЛИ БЕРГАМотовые ДЕРЕВЬЯ.

— Ну? Ну, что вы там?! Эй!

Станислав Альбертович сиял. Станислав Альбертович бросился ко мне со своими слюнявыми поцелуями. Поздравляю!

Поздравляю! Он был по-стариковски растроган. Я даже удивилась, хотя известие пришлось мне обухом по голове, и черные круги перед глазами, но я сдержалась, не крикнула дурным голосом, не забилась, не грохнулась в обморок, я только вцепилась пальцами в подлокотники кресла, приняла удар безропотно и достойно, как монашенка или королева.

В сердце вошла игла жути. Сердце затрепетало в предсмертной скуке, затрепетало, екнуло, остановилось. Пот струйками стекал по хребту. С подброшенными вверх ногами я расставалась с жизнью, которая в этот злосчастный год демонстративно повернулась ко мне спиной, она указывала дорогу в такие трупщобы и дебри, куда не ступала нога современного человека, а если и ступала, то тут же проваливалась и исчезала бесследно.

Я отвергла ватку с нашатырем — спасибо! — и посмотрела на Станислава Альбертовича с нескрываемым подозрением. Что это он, собственно, так растрогался? Ему что за дело?.. Ах, сука! Думаешь, я забыла?! Я все помню, Станислав Альбертович, все! У меня, Станислав Альбертович, длинная память. И про бабушку русского аборта помню, и про деток в неволе... Но я была шокирована известием и промолчала, воспринимая удар судьбы, хотя новость была относительная, и привкус этот во рту я узнала, как только однажды проснулась, безоговорочный привкус, самый ранний вестник тревоги, да и внизу тянуло, как всякий раз встарь, когда, беззаботно смеясь, залетала, утративши бдительность, однако надежда бодрила меня несомненно, потому как не могло этого случиться, в один голос они уверяли, никогда больше, и в хоре белых халатов Станислав Альбертович первый сокрушенно разводил руками, строил из себя фигуру сострадания, а я им из кресла смеялась: — Не хнычьте обо мне! — и шутила про деток в неволе, так что в конце концов я имела все основания верить и, беззаботно смеясь, давно махнула рукой на разного рода предосторожности, на всякие там спирали, пилюли, лимоны и мыла кусочки, не говоря уж о прочих спасательных кругах, а лекарь он, что говорить, неплохой, таких не сыщешь днем с огнем, несмотря на наклонности, которые, как заметила Ксюша, сведшая меня с ним на медовой заре нашего знакомства, когда она еще не была

француженкой и не носилась впотьмах на розовом рыкающем авто, а был у нее тогда канареечный «жигуленок», на нем-то она отвезла меня к Станиславу Альбертовичу, рассказав по дороге про некоторые его наклонности, которые, как заметила Ксюша, выводят пациенток из летаргического уныния. Что же мне от него отказываться, если он мне теперь позарез пригодится, пусть и сука поряточная! Ладно, я только отмахнулась от слюнявых поцелуев и ватку отвергла. Он же, несправедливо истолковав мою слабость в благоприятном для себя отношении, а также для дела приумножения людских ресурсов, зарумянился, заворковал в умилении, что, дескать, невиданное чудо, хоть в пору симпозиум созывать и докладывать, что выкинула наша игрунья, наша шаловливая киска, а я ему: ручки от киски прочь! Он ручки не спеша отдернул, стоит и смеется, и щеки трясутся.

Эх вы, Станислав Альбертович, неутомимый козел! Как вам не надоест, с утра до вечера шуруете и шуруете, зрение потеряли на вашей должности, а все не утомитесь, все не насытите вашу мальчишескую любознательность, как припали к матовому окошку, так всю жизнь под ним простояли!.. Ладно, сказала строго, дайте мне сначала с вашего кресла слезть (а помните, Станислав Альбертович, как я к вам в первый раз пришла, по рекомендации Ксюши, жалуясь на болезненные разрывы тканей, и вы, прикрываясь врачебным иммунитетом, изволили меня безнаказанно за груди щипать? Я тогда молодая была, веселая...), дайте слезть с этой чертовой карусели, летящей в камеру мрака и ужаса, вот, и натянуть, с позволения сказать, трусы!.. Отстаньте! Ох, Станислав Альбертович, горбатого могила исправит, а про себя: не исправит могила горбатого, темное это дело, горбатый сам могилу исправит, оттого и мурашки по телу, и в сердце жути игла, но я скрепилась, делая вид, что одеваюсь.

Ну вот, говорю, другое дело, теперь можете и поздравлять. Мерси, конечно, только, собственно, с чем? Как с чем? То есть как с чем?! Вы, деточка, уже не девочка, чтобы не понимать, свидетелями какого чуда мы нынче с вами являемся вопреки всем научным законам бесплодия, которое, перебиваю его, меня прекрасным образом устраивало, во что, возражает он мне, я

никогда не верил и не поверю, видя в этом одну лишь стоическую систему вашей, деточка, самозащиты, а зря, Станислав Альбертович, очень зря, и вообще рассказать бы вам о нюансах этого чуда, так вы бы сами поняли, что это не вариант, и, вместо того, чтобы горячиться, потребовали бы как врач безотлагательно прекратить развитие чуда в зародыше, на чем, собственно, и настаиваю и что, согласно моим правам и желаниям, исполню, предпочтительно с вашей помощью, любезный Станислав Альбертович. Я так понимаю, что дело в отце, он что, простите за выражение, debil? алкоголик? незнакомый вам человек? Хуже! — лаконично ответила я. Станислав Альбертович опешил и, поглупев на глазах, задумался... Негр? — наконец вымолвил доктор. Несмотря на то, что в душе был озноб, я захохотала, как будто меня щекочут, хотя, честно сказать, не боюсь щекотки или, если боюсь, то самую малость, я скорее не люблю, когда меня щекочут, чем боюсь, в отличие от Ритули, которая сама напрашивается на щекотание, находя в этом непонятное для меня девичье удовольствие. Она еще молоденькая, Ритуля, и я снисходительно смотрю на нее, как она хохочет, когда я ее щекочу. Ну, если человек хочет, почему бы его не пощекотать? Скоро придет Ритуля. У тебя когда-нибудь был негр? — спросила меня Ритуля. Нет, — искренне созналась я. Я всегда была чистоплотна. А за Ритулей ухаживал Жоэль с Мартиники. Негр, но, что характерно, тоже с французским паспортом. Ритуля ему даже минет делала! А потом он уехал и прислал с Мартиники открытку с видом на лагуну и лохматые пальмы, где он писал, что ему в нашей стране не понравилось, потому что здесь слишком холодно и нет карнавалов. Ритуля очень негодовала и называла Жоэля неблагодарной скотиной.

Нет, — говорю я Станиславу Альбертовичу, — не негр. Хуже! — Хуже не бывает, недоумевает Станислав Альбертович, а самому интересно. Я ничего не ответила. Ненадежный человек. Ладно, сказала я, кончим этот разговор. Он угостил меня сигаретой. Можно вам, деточка, дать совет? Я пожала плечами, но он, невзирая на это, все же продолжил: вы, разумеется, можете не считаться с моим мнением, деточка. Вы — знаменитая женщина, прославившаяся на весь мир печатно и посредством эфира, у вас,

понятное дело, друзья, покровители и советчики, то есть вижу: касается скользкой темы, и не мне, старомодному старику, вскорости выходящему на полный покой и переселяющемуся на дачу — я не знала, что у него дача, и подумала: а ведь он, должно быть, богатый хрен, сколотивший состояние на слезах и женских недомоганиях, и сигареты хорошие держит, пшеничные — а дачка-то где? — в Кратове! — А! Жидовская местность, смекаю, подмосковный Израиль, — он же дальше развивал свою мысль: не ему, дескать, вмешиваться в вашу, деточка, бурную и интересную жизнь, некоторые яркие подробности которой он имел нечаянный случай — тут он понизил голос — созерцать в оригинальном журнальчике — я хладнокровно подняла брови, — очень уважаемом им заповедном журнальчике, он преисполнен восхищения, так и сказал, самого неподдельного восторга, хотя, слава богу, шумно вздохнул, всякое видывал, да и не только он, но и несколько самых-самых ближайших друзей, которые были настолько поражены, что даже сочли легкомысленным бахвальством утверждения с моей стороны, что я вас изредка пользовал, во врачебном, разумеется, измерении. Больше того: наше бескрайнее восхищение дошло до некоторых произвольных моментов, которые мы все были вынуждены со смущением и гордостью констатировать, и нам стало ясно, что ваша, деточка, прелесть гораздо более эффективна, чем многие в этом роде иноземные поделки, а так как мои друзья порою склонны к обобщениям, то они обобщили, что мы бы и здесь, в этой области, рассуждая в сугубо патриотическом смысле, могли бы иметь известное преимущество и перевес.

Я живо вообразила себе почтенную компанию, из тех, кто носит подтяжки и маленькие бородки, сгрудившуюся с лупами вокруг стола для созерцания глянцевого деликатеса, который тем временем тащил на себе тяжкий крест! — Ах, Станислав Альбертович, какую ахинею вы развели! — сказала я, скорее раздосадованная, нежели польщенная его признанием, хотя и польщенная тоже. — Какая к черту знаменитость! Что за бурная и интересная жизнь! Знайте же, Станислав Альбертович, что в результате всей этой истории я живу, как последняя церковная мышь, которая лапой боится пошевелить, чтобы ее окончательно не сожра-